

«У Никитских и на Плющихе». Осенью следующего года «Новый мир» напечатал повесть Б. «Неделя как неделя», которая остается наиболее известным произведением Б. Перед читателем разворачивается картина обыденной жизни — неделя, заполненная узнаваемыми обычными заботами и хлопотами молодой работающей женщины, жены и матери двоих детей. Героиня повести — Ольга Воронкова, занятая сверх меры на работе и дома, вызывает сочувствие читателя. Это была первая из героинь Б., наделенных даром устроительницы жизни, пусть и на небольшом пространстве вокруг себя.

Б. публикуется в ж. «Юность», Сибирь», «Звезда». В 1977 вышла первая книга — «Отрицательная Жизель», в 1981 — книга повестей и рассказов «Женщина с зонтиком».

В сб. «Портрет, подаренный другу» (1982) вошли документальные очерки, связанные с работой Б. в музее А. С. Пушкина, рассказ «У Войныча на мельнице» и повесть «Цвет темного меду» — о Наталье Николаевне Пушкиной, о ее жизни после трагической дуэли, о воспоминаниях и рассказях, об одиночестве страдающего человека.

Роман «День поминовения» (1989) — книга о вдовах, потерявших мужей на войне. Последняя книга Б. — «Странствия бездомных» (1999) — посвящена истории ее семьи, родителей, судьбам родных и близких, воспоминаниям о прожитой жизни. Б. определила главную тему своего творчества: «Бережение своей жизни, уважение к жизни чужой — вот чего хочет от человека Господь. Человек учится этому с первого года, если есть у него Дом. <...> Прочный и чистый Дом, скрепленный любовью, — основа основ в каждой стране, на всей Земле». Во вступлении к «жизнеописанию», как определила Б. жанр книги, она подчеркивает: «В моих повестях и рассказах изображается частная жизнь». Истории частной жизни стали историей строительства такого Дома каждой из их героинь и участниц. Поэтому эти истории и приобрели популярность среди читателей, не раз переиздавались, переводились на иностр. яз., публиковались в 10 странах Запада и в Японии.

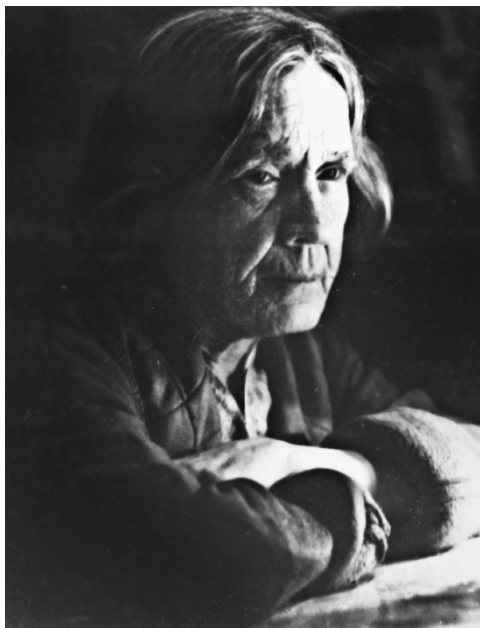
Соч.: Отрицательная Жизель: Рассказы, маленькие повести. М., 1977; Женщина с зонтиком: повесть и рассказы. М., 1981; Портрет, подаренный другу. Л., 1982; День поминовения: роман, повесть. М., 1989; Автобиография без умолчаний // Грани. 1990. № 156; Автобус с черной полосой: повесть. Птица: рассказ // Грани. 1992. № 166; Встреча. Лесная поляна. Портрет Зойки на фоне двора: рассказы // Грани. 1993. № 168.

Лит.: Наумова Н. Черты современной героини // Нева. 1978. № 10; Непомнящий В. Избранница поэта // Неделя. 1978. № 10; Владимиров И. Не только быт // Нева. 1981. № 8.

О. И. Козлова

БАРКОВА Анна Александровна [16(29).7.1901, Иваново-Вознесенск — 29.4.1976, Москва] — поэтесса, прозаик.

Из простой семьи, отец — сторож гимназии, в которой Б. училась; мать рано умерла. Писать начала с 12 лет. В гимназии ведет писки под названием «Дневник внука подпольного человека». Любимые авторы: Ф. Достоевский, Ф. Сологуб, Э. По, О. Уайльд. Сверстницей запечатлен портрет Б.-гимназистки: «Огненно-красная, со слегка вьющимися волосами, длинная коса, серьезные, с пронзительным взглядом глаза, обилие крупных ярких веснушек на лице и редкая улыбка» (Таганов Л. — С. 6). Первые публикации — в иваново-вознесенской газ. «Рабочий край» (1917). В 1919 А. Блок отмечает стихи Б. как «небезынтересные». В 1922 выходит первая и единственная поэтическая книга Б. — «Женщина». В предисл. А. В. Луначарского была дана характеристика «своеобразной формы» молодой поэтессы: «...она почти никогда не прибегает к метру, она любит ассонансы вместо рифм, у нее совсем личная музыка в стихах — терпкая, сознательно грубо-

А. А. Баркова

ватая, непосредственная до впечатления стихийности (С. 3). Обращалось также внимание и на содержательный ряд книги: «От порывов чисто пролетарского космизма, от революционной буйственности и сосредоточенного трагизма, от острого до боли прозрения в будущее до задушевнейшей лирики благой и отвергнутой любви» (Там же). Действительно, в противоположность поэтам Пролеткульта, исключавшим в своем декларативном стихотворчестве проблематику личности, заменявшим живое «я» механическим, коллективным «мы», Б. и в себе — революционерке — осознает прежде всего женщину, спектр чувств и переживаний которой сложен и противоречив. С одной стороны, героиня книги заявляет о своем революционном экстремизме, направленном на полагающееся разрушение «старого мира»: «Я преступница; я церкви взрываю / ...По дороге к светлому раю / Я все травы, цветы иссушу» («Преступница», 1922); с другой — ее тревожат и как бы склоняют к мукам совести встречаемые в тех же церквях видения: «В алтаре открытом темно, / И темны, темны Христовы взоры...» («Христос», 1921). То она осознает себя некоей «матерью» некоего пролеткультовского космического коллектива: «Я мать, я мать несметных человечеств, / Впиваю в сердце солнц вселенских свет...» («Грядущая», 1921); то предстает намного естественнее, проще и поэтичнее — дочерью даже не «класса», а всего народа: «Люди, я ваше порождение, / Дерзновенное ваше дитя» («Положите меня!», 1922), и свое слияние она больше чувствует с природой, чем с «интернационалом»: «Мои волосы с зелеными листьями сплетаются...» (1922). Ожидание будущего раскрывается в книге скорее в духе романтически-символистской или даже христианской утопии («Я увидела небо иное...»), чем революционной. Не случайно сопровождается оно образом цветка, явно восходящим к «голубому цветку» Новалиса: «И с тех пор средь шума земного / О неземном я грущу цветке...» («Я упала в таинственный сон...», 1922; «Губительный цветок», 1921). Точно так же бравоирование личинами «красноармейки» и «преступницы» нередко сменяется в книге Б. признанием совсем противоположного характера: «А сердце плачет тайными слезами / Пугливой женщины-ребенка» («Я холодноую свободу люблю...», 1921).

Немалыми противоречиями проникнута и тема любви в книге. Здесь присутствует и признание в любви к «борцу-ткачу» («Костер (Поэма о любви)», 1922), и любовная

трагедия, обусловленная классовым антагонизмом: «Те глаза, что меня когда-то ласкали, / Во вражеском стане заснули» («Амазонка», 1921) или: «Сегодня я не засну... / А завтра, дружок, / На тебя я нежно взгляну. / И взведу курок» («Милый враг», 1921). Вообще не чуждой любовных бездн, лирической героине Б. приходится не без мучительных усилий сопротивляться сладким ядам и обольщениям любви: «Сафо, вызов бросаю / В благоуханные царства твои! / Сети твои разрываю, / Страстнокудряя жрица любви» («Сафо», 1922). Одно из завершающих книгу стих. вполне можно считать пророческим: «Все грехи мои бережно взвесили / И велели мне стать у стены. / Глаза мои были веселы, / А губы сухие бледны» («Казнь», 1921).

В 1922 Б. приезжает по приглашению А. В. Луначарского в Москву и 2 года работает в его секретариате. Поступает в руководимый В. Я. Брюсовым Лит.-худож. ин-т, но вскоре из него уходит. В 1924 с помощью М. И. Ульяновой устраивается работать в «Правду», где иногда появляются ее заметки и стихи. Изредка печатается в ж. «Красная новь», «Печать и революция», «Красная нива», «Новый мир». Кроме стихов в 1920-е выходит отд. книгой ее пьеса «Настасья Костер» (1923, героиня — сильная, мятежная личность, предводительница разбойничьей шайки, время действия — XVII в.), публикуется фантастическая повесть «Стальной муж» (1926), Б. выступает и как критик. Со второй половины 1920-х в стихах Б. (непубликуемых) все заметнее начинает звучать мотив безрадостных размышлений о своем бездуховном и антигуманном времени как тупике: «Отреклись от Христа и Венеры, / Но иного взамен не нашли» («Ветхий завет», 1928); «С покорностью рабскою дружно / Мы вносим кровавый пай, / Затем, чтоб построить ненужный / Железобетонный рай» («Где верность какой-то отчизне...», 1932). Подобным же образом осмысливается ею и собственная жизнь: «Ты, жизнь моя, испорченный набросок / Великого творения, истлей!» («Лирические волны, слишком поздно!..», 1930).

В дек. 1934 по доносу за неосторожно оброненную на вечеринке правдистских журналистов фразу Б. осуждается на 5 лет лишения свободы, отбыв которые, она в 1939 отправляется в ссылку. В 1947 ее арестовывают снова (причина: прежняя судимость и проживание на оккупированной территории) и приговаривают теперь уже к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, которые она отбывает по явн. 1956 в Коми АССР (Инта, Абез). Жившими там вместе с нею совре-

менниками оставлен ее портрет: «Небольшого роста, некрасивая, с хитрым прищуром, с вечной самокруткой во рту, в бахилах и не по размеру большом бушлате... Не имея родных „на воле“, она не получала никакой помощи извне. Но никогда не жаловалась, держалась мужественно и не теряла чувства юмора» (Угримова И., Звездочетова Н.— С. 336). Отбыв срок, Б. поселяется в городе Штеровка Луганской обл. (за невозможностью прописки в Москве), где через год ее опять арестовывают (причина: донос и перехваченный на почте сатирический рассказ о Молотове) как «злейшего врага Советской власти» — «и она получает уже не сталинскую, а хрущевскую десятку и попадает в мордовские лагеря» (Утевский М.— С. 335), откуда выходит через 8 лет в 1965.

За годы арестов (23 года) Б. создала книгу (полностью пока еще не собрана) глубоко трагической, подлинно «лагерной» лирики. «Без дома, без семьи, по лагерям, тюрьмам и поселениям — с ней постоянно были только стихи. До последнего дня Анна Александровна писала стихи, часто амелодичные, некрасивые, неуклюжие, неизменно с огромной внутренней силой» (Утевский М.— С. 333–334). Прежде всего это стихи о своей «великой» эпохе, той самой, в которой «Круг девятый Дантова ада / Заселила Советская Русь» («**Вера Фигнер**», 1950). В образе странной, «преставившейся», но все еще блуждающей старухи поэтесса видит не то Россию, не то саму себя: «Платышко все на мне истертое, / И в гроб мне нечего надеть. / Уж я давно блуждаю мертвая, / Да только некому отпеть» («**Старуха**», 1952). В необычно трагическом контексте были написаны и стихи о любви: «Голос хриплый и грубый, — / Ни сладко шептать, ни петь. / Немножко синие губы, / Морщин причудливых сеть. / А тело? Кожа да кости, / Прижмусь — могу ушибить. / А все же — сомненья бросьте, / Все это можно любить. / Как любят острую водку. — / Противно, но жжет огнем, / Сжигает мозги и глотку / И делает смерда царем» («**Я**», 1954). Но даже и эта невероятная, чудовищная жажда счастья, сопровождавшаяся то украденной «лаской в тишине» («**Украдкою от слова кража...**», 1954), то «воровскую судорогой встречи...», в конце концов здесь истощается и уступает место последнему желанию человека — не дать себя окончательно растоптать и добровольно выбрать «откровенный выстрел, / Так честно пробивающий сердца» («**Загон для человеческой скотины...**», 1955). «Лагерная» лирика Б. занимает свое законное место сре-

ди таких произведений — «памятников жертвам эпохи», как «Реквием» А. Ахматовой, «Архипелаг ГУЛАГ» и «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова.

По завершении своего «последнего срока» Б. в 1965 направляется в пос. Потьма Мордовской АССР в инвалидный дом, откуда в 1967 получает (при содействии А. Твардовского и К. Федина) возможность вернуться в Москву. Здесь она продолжает писать стихи и даже несколько раз пытается предложить их к публикации, получая всякий раз неизменный отказ: «Нет оптимизма, нет жизнеутверждающего начала» (Угримова И., Звездочетова Н.— С. 337). Стихи Б. последних лет действительно пессимистичны, хотя и мужественны. От лирики личной судьбы она все чаще переходит к раздумьям о смысле жизни вообще, ее стих звучит суровым предупреждением для остающихся жить людей: «Мы делали железной башни. / Мы привинчены намертво к ней. / Человек-животное страшен, / Человек-машина страшней» («**Культ нейлона и автомашины**», 1972).

Наиболее заметными в прозаическом наследии Б. (писала рассказы, повести, вела дневник) являются принадлежащие, также как и лагерная лирика, фонду потаенной лит-ры советского периода повести 1950-х «**Как делается луна**», «**Восемь глав „безумия“**», «**Освобождение Гингуани**», содержащие критику социалистического общества. «Коммунизм для нее — разновидность фанатизма, извращающего человеческую природу <...>».

С точки зрения стиливых особенностей, проза Барковой тяготеет к гротескно заостренной, злободневной публицистике, свидетельствующей о том, что писательница на три десятилетия опередила общественное сознание своего времени. В эпоху творчества «коммунистической мифологии» она ясно и глубоко понимала реальность, предостерегала от опасности „расчеловечивания“ общества, бросала вызов всему сковывающему, поработавшему духовную и творческую свободу. Ее реакция на деградацию духа — страстная, бескомпромиссная, в ней проявился свойственный Барковой максимализм» (Холодова З. Проза А. А. Барковой периода «хрущевской оттепели» // *Вопр. онтологической поэтики потаенной лит-ры*. Иваново, 1988. С. 291, 293).

Умирая от рака горла, Б. в бреде пережила события своей лагерной жизни; утверждая, что не верит в Бога, перед смертью она попросила похоронить ее по православному обряду.

Соч.: Стихотворения // Доднесь тяготее. Вып. 1. Записки нашей современницы. М., 1989; Возвращение. Иваново, 1990; Избранное: из гулаговского архива. Иваново, 1992; [Стихотворения]. Красноярск, 1998; ...Вечно не та. М., 2002.

Лит.: Гусман Б. Анна Баркова // Сто поэтов. Лит. портреты. Тверь, 1923; Угримова И., Звездочетова Н. Об авторе // Доднесь тяготее. Вып. 1. М., 1989; Утевский М. [Воспоминания] // Лазурь: альм. 1. М., 1989; Дудин М. В нее верили Блок и Пастернак // Лит. газ. 1990. 29 авг. С. 5; Таганов Л. «Прости мою ночную душу...»: Книга об А. Барковой. Иваново, 1993; Таганов Л. Баркова и Розанов // Филол. студии. Иваново, 1998. Вып. 2; Христофоров В. Анна Баркова: Стиха надтреснутый крик // Лит. Россия. М., 2002. С. 8–9.

А. И. Михайлов

БАРТО́ Агния Львовна [4(17).11.1906, Москва — 1.4.1981, Москва] — детский поэт.

Отец был ветеринарным врачом, в молодости ездил в Сибирь на борьбу с оспой. Знал лит-ру, любовь к русской классике привил дочери. Печататься начала в 1925 — сб. стихов «**Китайчонок Ван Ли**», «**Мишка-воришка**». Затем вышли книги «**Братишки**» (1928), «**Мальчик наоборот**» (1934), «**Снегирь**» (1939). Уже в первых книгах автор следует собственной заповеди: «Сила лучших детских поэтов именно в том, что они в своем творчестве нашли сочетание детскости и взрослости, умеют со своим читателем

А. Л. Барто

говорить занимательно о серьезном и важном» (Записки детского поэта. С. 50). В 1939 с актрисой Р. Зеленой написан сценарий кинофильма «**Подкидыш**», фильм получил большую популярность. Во время Гражданской войны в Испании участвовала в работе II Международного конгресса в защиту культуры, который проходил в 1937 под бомбежками в Барселоне, Валенсии и Мадриде.

Во время Великой Отечественной войны много выступала по радио, печатала военные стихи, статьи в газетах. Как корреспондент «Комсомольской правды» работала на фронте. Об одном своем выступлении перед бойцами вспоминала: «Сегодня читала в окопе стихи бойцам. Думала, буду очень волноваться, но, увидев, как многие заранее улыбаются, успокоилась. Слушали тепло, смеялись и громко хлопали. Я понимала, что широкие солдатские улыбки относятся прежде всего к их детям, о которых они думают, слушая меня» (Записки детского поэта. С. 159). Росла творческая потребность написать о подростках, работающих у станков на оборонных заводах. В статье Б. «**Немного о себе**» читаем: «Павел Петрович Бажов посоветовал мне, чтобы глубже узнать интересы ремесленников и, главное, их психологию, приобрести вместе с ними специальность, — например, токаря. Через шесть месяцев я получила разряд...» (Жизнь и творчество Агнии Барто. С. 13). Так появилась книга «**Идет ученик**» (1944).

В конце 1940-х — 1950-е были написаны сценарии детских фильмов «**Слон и веревочка**» (1946), «**Алеша Птицын вырабатывает характер**» (1953); фильмы получили широкую известность. Вышло много новых книг: «**Стихи детям**» (1956), «**Веселые стихи**» (1957), «**Про больших и маленьких. Стихи и рассказы**» (1958), «**Твои стихи**» (1960). Стихи Б. чужды натуралистическому крохоборчеству, бескрылому бытовизму, автор даже в незначительных событиях умеет увидеть и показать нечто необыкновенно важное в детском восприятии мира. В послевоенные годы Б. критиковали с позиций т. н. «теории бесконфликтности», в 1949 в ж. «Октябрь» (№ 7) была опубликована статья, в которой сатира Б. квалифицировалась как клевета на детей, а ее стихи назывались порочными. Утверждая свою правоту, Б. продолжала пестовать детскую тему в лит-ре, воспитывая у своих читателей гражданское чувство, доброту, творческое отношение к труду. «С тревогой и радостью наблюдала жизнь современных подростков Агния Барто. Радовалась, что живут они спокой-